
УДК: 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-60-64

АКТУАЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Ш.Б. НОГМОВА (на примере ориентализма *аманһт*)

Озова Фатима Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, fo7799@ Rambler.ru

Словарь Ш.Б. Ногмова, в отличие от современных словарей, свидетельствует, что в недалеком прошлом в черкесском языке существовало две лексемы на основе арабизма «аманат». В статье показаны экстралингвистические причины двойного заимствования и процессы их адаптации в языке.

Ключевые слова: Лексикография, Ш.Б. Ногмов, актуальность, аманат, аманһт, *Иэнэмэт* (анемат / анэмэт).

На Кавказе обычай дипломатического заложничества отслеживается с античной эпохи [Античное наследие Кубани 2010: 96]. В черкесском языке отсутствовал специальный термин для его обозначения; как и в других языках, дипломатических заложников называли, очевидно, *залогами* (*шэсынIэм кыина цыыхухэ*, букв. люди, оставшиеся в заложниках). Дипломатическое заложничество здесь носило преимущественно *взаимный* или *эквивалентный* характер [Белокуров 1889: 350; Книга путешествия... 1999: 87, 88]. В XVIII в. имеются данные и об одностороннем [дипломатическом] заложничестве между князьями Кабарды и их вассалами [История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева... 2005: 205] (но эти случаи были скорее исключением, чем правилом).

В этимологическом словаре А.К. Шагирова имеется лексема *анэмэт** в значении «оставленный на чье-либо попечение» [Шагиров 1977: 61]. Здесь же указывается, что этот историзм был заимствован в черкесский язык из арабского и турецкого языков, где он употреблялся в значении *заложник* (что противоречит данным этих языков). Это заблуждение в еще большей степени развил современный толковый словарь черкесского языка, утверждая, что лексема *анемат/анэмэт/Иэнэмэт* имела значение *заложник* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 25]. Это затруднение разрешается данными, зафиксированными Ш.Б. Ногмовым (1794–1749). Они свидетельствуют, что в первой половине XIX в. в черкесском языке бытовали одновременно две лексемы: *анемат/Иэнэмэт* и *аманһт* [Ногма 1956: 133]. Лексема *анемат/анэмэт/Иэнэмэт* продолжает существовать в современном черкесском языке, в то время как *аманһт*, наиболее близкая фонетически и семантически русскому историзму *аманат*, также стала историзмом. Очевидно, что это слово было заимствовано в язык дважды: первый раз в значении, близком к арабскому этимону (*анемат/анэмэт/Иэнэмэт*), второй — из русского языка в

* Современное графическое оформление этой лексемы – *анэмэт* – вызывает аргументированное возражение авторитетных лингвистов, считающих более адекватным фонетическому звучанию правописание «Иэнэмэт». Первая фонема «I» (в иберийско-кавказской транскрипции [ʔʔ]) в русском языке слышится впереди при произнесении, например, слова «аминь» (черк. *Iэмин*). Досадно, что в известных словарях арабизм «аманат», произносимый как [Иэнэмэт], не получил должного орфографического оформления и написан как «анэмэт» [Консультация ВНС КЧИГИ, канд. филол. наук Х.С. Братова].

значении «дипломатический заложник» (*аманит* или *аманат*). Эти заимствования произошли в разное время, были обусловлены экстралингвистическими причинами и по-разному адаптировались к языку.

На первичное заимствование лексемы *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* в черкесском языке может пролить свет анализ бытования понятия *аманат* в горных районах Грузии, относительно которых этот институт наиболее полно описан и может быть здесь использован в силу близости этнических культур грузин и черкесов. Этнографический материал свидетельствует, что в грузинском языке имелось несколько исконных лексем эквивалентных лексеме *аманатство* [Канделаки 1987: 12]. Они обозначали «внешне похожие, но стадияльно и типологически весьма разнородные явления» [Анчабадзе 1988: 162]. Так, *аманатством* названы: 1) обычай принятия в общину чужеродца-беглеца; 2) содержание заложников; 3) передача какой-либо вещи на хранение; 4) покровительство общины находившимся в ней гостям, детям-сиротам, мужьям-примакам. Таким образом, в Грузии институт аманатства представлял собой «разветвленный комплекс специфических обычаев и норм» [Анчабадзе 1988: 162]. В черкесском языке, как видим, эти явления стали обозначаться образованными на основе лексемы *аманат* двумя историческими понятиями: *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* и *аманит*.

Первичное заимствование арабского этимона в грузинский язык могло состояться в эпоху арабской экспансии в 650–850-х гг. Очевидно, «синонимичное арабское заимствование» [Анчабадзе 1988: 163] присоединилось к исконным лексемам. Первичное заимствование из языка этимона в черкесский язык в форме *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* было возможно также в хазарский период [Шагиров 1989: 74] или в период интенсивных средневековых дипломатических, торгово-экономических и культурных черкесско-египетских связей первой половины II тыс., в результате которых проникли и закрепились в языке отдельные исламские религиозные дефиниции [Балкаров 1959: 99; Шагиров 1989: 74].

Арабский этимон был успешно адаптирован на фонетическом, синтаксическом и семантическом уровнях черкесского языка. Лексема *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* имеет, в отличие от арабского этимона и его аналогов в русском, казахском, ногайском, древнетюркском, турецком и крымскотатарском языках, оригинальное фонетическое звучание – [anemat] (по Ш. Б. Ногмову) и в современном графическом оформлении – *анэмэт, Іэнэмэт*. Существенное фонетическое отстояние этой лексемы от арабского этимона при значительной семантической близости говорит о том, что оно было заимствовано из арабского языка через устную традицию. Значительная фонетическая трансформация, как и смысловая близость этого арабизма к исконному этимону, объясняется также наличием в черкесском языке семантически близких ему синтаксических конструкций. Так, семантика термина *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* и выражения «нэІэ тегъэтын» полностью совпадают, чего нельзя сказать об их этимологии. Выражение «нэІэ тегъэтын» означает «держат под присмотром, опекой, вниманием кого-либо, чего-либо». Здесь «нэІэ» – составное слово («нэ» – глаз, глаза, «Іэ» – рука, руки; «тегъэтын» – держать под присмотром, заботиться). Кроме того, есть еще выражение «нэІэм щІэкІын», означающее «выйти из-под опеки, присмотра, заботы» и т. д. «НэІэ» – это по форме переставленные первые слоги («Іэ» – рука + «нэ» – глаз) в черкесской транслитерации слова *аманат* – *Іэ-нэ-мэт* [Консультация ВНС КЧИГИ, канд. филол. наук Х.С. Братова] (*анемат/анэмэт*).

Черкесским языком было заимствовано множество значений полисемичного слова-этимона. Семантическое значение черкесского слова уже семантики этимона, но степень их отстояния друг от друга незначительна. Ориентализм *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* сохранил теолого-философский смысл на обоих семантических уровнях, характерных для арабского этимона: Бог – Человек и Человек – Человек. В переводе смыслов Священного Корана на черкесский язык лексема «Іэнэмэт»

имеет значение «обязательство» [КъурІэн 2001: 342], «доверенное имущество» [КъурІэн 2001: 87]. И сегодня в черкесском языке широко бытуют выражения: «Алыхьым и Іэнэмэтц» – «аманат Аллаха»; «Алыхьым дриІэнэмэтц» – «мы аманаты Аллаха»; «Іэнэмэт хуащІын» – «поручить кому-либо присматривать за кем-чем-либо, охранять кого-что-либо» [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 25]; «си сабийр уи Іэнэмэтц» – «прими моего ребенка на какое-то время под свой аманат, т.е. под свое попечительство, заботу». (Оно имеет сакральные коннотации, подразумевающая существование ответственности любого взрослого человека за ребенка перед Богом).

В черкесском языке в качестве *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* может выступать как человек, так и какой-либо предмет, который дорог его владельцу. Подразумевается, что вручаемое (*анемат/анэмэт/Іэнэмэт*) попечителю отдается ему на сохранение и должно обязательно возвратиться к владельцу. Человек, принимая кого- или что-либо в *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*, тем самым брал на себя обязанность сохранить его непременно, даже ценой жизни, так как сохранность вверенного становилась делом чести попечителя. «Анэмэт* гьерэт ухуэмыхьу» – «Не ищи выгоду от аманата» [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 25] – говорит черкесская пословица. Любопытно, что с этой пословицей перекликается норма средневекового европейского посольского обычая о запрете использования дипломатического заложника с целью, отличной от той, ради которой был заключен гарантированный им договор, и «извлекать из него выгоду, помимо той, о которой была прямая договоренность» [Ваттель 1960: 359].

В понимании слова *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* присутствует только добровольная передача кого (чего)-либо кем-либо какому-либо доверенному лицу и возвращение *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* по первому требованию доверителя. Субъектом в отношениях, возникающих вокруг *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*, согласно данным черкесского языка, выступает только его доверитель, в то время как в русском языке субъектом в отношении аманата являлся как его доверитель, так и хранитель. Этот конфликт смыслов проявляется в функционировании системы аманатства в Черкесии с XVII в., что стало, очевидно, причиной вторичного заимствования черкесским языком ориентализма *amanat* и его бытования в двух взаимоисключающих значениях.

Согласно документам вторичное заимствование лексемы *amanat* в черкесский язык произошло в XVII в. из русского языка через письменную традицию, на что указывает фонетическая близость черкесского *аманһт* к русскому *аманат*. Существовавший в российско-черкесских отношениях институт дипломатического заложничества всегда носил односторонний характер, т.е. аманатами становились только представители черкесской аристократии [Бгажноков 2005: 57]. Но если на первых порах этот акт носил добровольный характер, то на протяжении долгого времени он имел различную степень принудительности. Это обстоятельство нашло свое отражение и на уровне языка, прежде всего в семантических различиях терминов *аманат (аманһт)* и *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*. Если в турецком, крымскотатарском, ногайском и черкесском языках речь идет только о передаче стороной, обладательницей аманата, другой стороне в силу всеобъемлющего доверия к ней кого- или чего-либо на сохранение на какое-то время с обязательным условием возвращения этого человека или предмета доверителю по его первому требованию в целостности и сохранности, то в русском языке *аманат* – это только «человек, данный или взятый в виде залога, в обеспечение верности договора» [Даль 1996: 585]. Это уже само по себе отражало наличие элементов принуждения. В процессе исламизации Черкесии под влиянием исламского права, запрещающего принесение клятв заложниками,

* Здесь очевидна путаница, как мы выяснили, опираясь на сведения Ш.Б. Ногмова, следовало бы писать: *аманһт/аманат*.

усиливается отрицательное отношение к аманатству. Один из бытующих в черкесском языке хадисов звучит так: «*ІэнэмэтымкІэ* тхьэлъанэ зычІыр ди диным иткъым*» [ПщыхьэшІэ, ТЫмыжь 2006: 18] «Кто приносит клятву аманатами, тот не наш единоведец».

Следовательно, ориентализм-название *amanat* был заимствован черкесским языком дважды. В значении первичного заимствования он близок к арабскому этимону и очень органично вписался в лингвистическую систему черкесского языка, в результате фонетической адаптации образовав лексему *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*. Вторичное заимствование состоялось в XVII в. и было связано с развитием черкесско-российских посольских связей; оно проявилось в образовании новой лексемы *аманһт*, находившейся ближе к понятию «аманат» в русском языке, нежели к арабскому этимону. Как в русском, так и в черкесском языке эта лексема стала использоваться для обозначения понятия «дипломатический заложник».

Таким образом, сведения Ш.Б. Ногмова о бытовании этого ориентализма в черкесском языке обогащают наши представления о политической и духовной жизни черкесского общества в XVII–XIX вв. Со временем, когда институт аманатства в черкесско-российских отношениях был ликвидирован, слово *аманһт*, как и *аманат* в русском языке, стало историзмом. Лексема *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* продолжает свою активную жизнь в черкесском языке в значении первичного заимствования, близком к арабскому этимону.

Источники и литература

1. Античное наследие Кубани: В 3 т. М.: Наука, 2010. Т. 2. 669 с.
2. *Анчабадзе Ю.Д.* Рецензия на книгу М.Б. Канделаки «Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства». Тбилиси, 1987 // Советская этнография. 1988. № 4. С. 162–164.
3. *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 148 с.
4. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М.: Университетская тип., 1889. Вып. I. 1578–1613 гг. СХХІХ; 715 с.
5. *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 39–86.
6. *Ваттель Э. де.* Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / пер. с фр. В.Н. Дурденевского, Ф.А. Кублицкого, Э.М. Фабрикова. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное издание). СПб.: Диамант, 1996. Т. 1: [А–З]. 699 с.
8. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
9. *Канделаки М.Б.* Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 139 с.
10. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 1999. 144 с.
11. Консультация ВНС КЧИГИ, канд. филол. наук *Х.С. Братова*
12. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды: В 2 т. / исслед. и подгот. к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. Т. 1. 308 с.
13. Словарь кабардино-черкесского языка (Адыгэбзэ псалъалэ). (Около 31 000 слов) / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. 860 с.
14. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: В 2 т. М.: Наука, 1977. Т. 1. 223 с.

* Здесь также следовало бы написать: *аманһт* или *аманат*.

15. *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / отв. ред. В.И. Абаев. М.: Наука, 1989. 192 с.

16. КъурІэн / КъурІэнымрэ КъурІэным и Іэятхэмрэ я мыгІэнэмрэ адыгэбзэкІэ (къэбэрдей) ззыдзэкІахэр: Хъуажь Мухьэмэдхьер, Боли Мустафар, Нало Заур (на араб.и черкес. яз.). Налщык, 2001. 607 н.

17. *ПицыхъэцІэ Л.И., Тымыжь Хь.Т.* Адыгэбзэм къыхыхьа хьэрып псалъэхэр (Словарь арабизмов кабардино-черкесского языка). Налщык: 2006. 76 н.

RELEVANCE OF LEXICOGRAPHIC STUDIES Sh.B. NOGMOVA (on the example of orientalism amanht)

Ozova Fatima Anatolyevna, Doctor of History, Associate Professor, Senior Research Worker by Karachai-Cherkess Research Institute of Humanities ordered by «Sign of Honour» under Government of KCR, fo7799@rambler.ru

Sh.B. Nogmov's Dictionary, unlike modern dictionaries, testifies that in the recent past, in the Circassian language, there were two lexemes based on Arabism «amanat». The article shows the extralinguistic reasons for double borrowing and the processes of their adaptation in the language.

Keywords: Lexicography, Sh.B. Nogmov, relevance, amanat, amanht, Ienamet (anemat / anemat).

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-60-64